

Протоиерей Владислав Цыпин,
профессор Московской духовной академии,
член Синодальной комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы

Канонизация «непоминающих»

Прославление новых мучеников и исповедников Российских явилось одним из самых значимых событий церковной истории рубежа XX-XXI столетий. При подготовке канонизации новых мучеников и исповедников встал вопрос о том, в какой мере церковные разделения 20-40-х годов могли некоторых пострадавших, отделившихся от законного Священноначалия, выводить за границы Церкви, тем самым устраняя самую возможность их прославления в лике святых. Ведь в годы гонений испивали чашу страданий также и те клирики и миряне, которые уклонились в расколы. Встал вопрос о том, можно ли их тоже считать мучениками в строго церковном смысле, иными словами, существует ли возможность церковного прославления тех, кто завершил свою земную жизнь в расколе или разделении.

Решая этот вопрос, удалось избежать упрощения. Есть несомненная разница между расколами, которые либо граничат с ересью, то есть возникли вследствие глубоких заблуждений эклезиологического характера (например, беспоповские толки русского старообрядчества), либо происхождением своим обязаны преступному властолюбию, самоволию и всякого рода бесчинным акциям церковных раздорников, с одной стороны, а с другой, - теми разделениями, которые появились в церковной среде вследствие разного видения путей адекватного реагирования на бедственные для Церкви явления и которые изживались Церковью в исторически короткие сроки.

Так, в эпоху между I и II Вселенскими Соборами Церковь, получившая ранее, с изданием Миланского эдикта, свободу, переживала тяжелый внутренний кризис. Защитникам православного Никейского тринитарного догмата противостояли носители разных версий арианских и полуарианских еретических учений. Но ситуация осложнена была еще и тем, что не было полного единства и евхаристического общения между всеми православными. На одной стороне были святитель Афанасий Великий, его приверженцы в Александрийской Церкви и Западная Церковь, возглавляемая в 370-е годы папой Дамасом, а на другой – так называемые новоникейцы: святитель Василий Великий, другие отцы-каппадокийцы, святители Кирилл Иерусалимский, Мелетий Антиохийский. Часть православных на Западе и в Египте подозревала их в «полуарианстве». Противостояние между православными группировками особенно остро и болезненно проявилось в Антиохийской Церкви, где было тогда два епископа, занимавших эту кафедру, которые, естественно, друг друга не признавали и не имели общения между собой: святитель Мелетий, находившийся в общении со святителем Василием Великим и другими новоникейцами, и Павлин, который имел общение со святителем Афанасием, папой Дамасом и всею Западной Церковью. Святитель Мелетий, на стороне которого было большинство антиохийцев, был принят в общение с папой Дамасом и православным Западом, а также последователями святителя Афанасия в Александрийской Церкви в 379 году на Антиохийском Соборе уже после кончины святых Афанасия и Василия. И вот Церковь почитает как святых и Афанасия Великого и Мелетия Антиохийского, между которыми канонический разрыв оставался до самой кончины святителя Афанасия Великого непреодоленным.

Этот пример удержал Синодальную комиссию по канонизации святых, которая готовила материалы к прославлению новомучеников, от ригористической узости в оценке

разделений 1920-1940-х годов, которые к тому же, в отличие от разделений IV века, не имели догматического характера и обусловлены были обстоятельствами политическими, то есть в церковном отношении не имеющими решающего значения.

Давая оценку расколам и разделениям, возникшим в нашей Церкви в 20-е годы, нельзя было ставить в один ряд обновленчество, григорианство и украинское самосвятство, с одной стороны, и «правую оппозицию» с другой. Обновленчество приобрело характер откровенного раскола в 1922 году, когда, захватив канцелярию Патриархии во время пребывания Предстоятеля Русской Церкви под арестом, группа священников, никем не уполномоченная, объявила о создании Высшего Церковного Управления (ВЦУ), включив в его состав только двух епископов по своему выбору, один из которых был под запрещением, тем самым оно нанесло предательский удар по Церкви. В дисциплинарной практике обновленцами был погран канонический порядок церковных установлений (многоженство священнослужителей, так называемый «белый» епископат). Все это не только в работах историков, но и на уровне авторитетных постановлений церковной власти получило однозначную оценку как квалифицированный раскол: при присоединении к Православной Церкви кающихся обновленцев рукоположения, полученные ими в расколе, не признавались действительными. В конце 30-х годов жертвами репрессий были и отдельные обновленческие деятели, но ведь в те годы погибли многие из тех, кто вообще никакого отношения к Православной Церкви не имел, погибали и сами недавние носители, и даже вожди атеистической власти. Поэтому сделан был вывод о том, что ставить вопрос о возможной канонизации таковых лиц необоснованно.

Но в своей дисциплинарной практике Православная Церковь иначе, чем к обновленцам и автокефалистам, относилась к присоединяемым из так называемых «правых» расколов: они принимались по покаянию в сущем сани – в том, какой могли получить и в отделении от законного Священноначалия.

По отношению к ним обыкновенно употребляется термин «непоминающие». Каково происхождение этого разделения? Оно восходит к событиям, имевшим место в 1927-1928 гг. В ту пору временным главой Русской Церкви был находившийся в заключении Местоблюститель Патриаршего Престола священномученик Петр (Полянский), митрополит Крутицкий, арестованный на исходе 1925 г. Затем в 1926 г. арестован был назначенный им Заместитель митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Обязанности Заместителя исполняли затем последовательно митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Серафим (Самойлович). 30 марта 1927 г. митрополит Сергей был освобожден, вслед затем, 7 апреля, архиепископ Серафим (Самойлович) передал ему бразды церковного правления. Выйдя из заключения, митрополит Сергей получил, наконец, возможность жить в Москве, которой он был лишен в первый период своего заместительства, до ареста.

7 мая митрополит Сергей обратился в НКВД с ходатайством о легализации церковного управления. В состоявшихся в связи с этим ходатайством переговорах представители власти требовали от митрополита Сергея сделать заявление в поддержку советской власти, осуждения контрреволюционных выступлений внутри страны и за рубежом, церковных прещений эмигрантскому духовенству, устранения неугодных властям епископов от управления епархиями. Настаивали на том, чтобы выбор кандидатов на архиерейские кафедры согласовывался с НКВД, арестованные архиереи увольнялись или даже запрещались в священнослужении церковной властью и прекращалось их поминание за богослужением, гражданская же власть должна была обязательно поминаться на литургии. В ответ митрополит Сергей просил о легализации высшего, епархиального и уездного церковного управления, о разрешении на созыв Поместного Собора и выборы Патриарха, об освобождении заключенных и сосланных

священнослужителей, о разрешении на восстановление духовных школ и издание церковного журнала.

18 мая митрополит Сергей провел совещание с архиереями, выбранными им для осуществления высшей церковной власти. Это были митрополит Тверской Серафим (Александров), член Синода в последние годы патриаршества святого Тихона, архиепископы Севастиан (Вести), Сильвестр (Братановский), Филипп (Гумилевский), Алексей (Симанский), епископ Константин (Дьяков). Из участников совещания митрополит Сергей образовал Временный Патриарший Священный Синод, полномочия которого по аналогии с Синодом, образованным Патриархом в 1923 г., проистекали из полномочий учредителя. В его состав Заместитель Местоблюстителя включил позже видного архипастыря митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого), пребывавшего уже много лет в ссылке в Туркестане и лишённого права выезда оттуда, а также только что выпущенных на свободу архиепископов Анатолия (Грисюка) и Павла (Борисовского).

20 мая НКВД выдал справку о временной регистрации Синода. Через неделю митрополит Сергей и Синод издали указ, предписывающий епархиальным архиереям подать заявления в местные органы власти с прошением о регистрации их с состоявшими при них епархиальными советами. Главное требование властей к митрополиту Сергию заключалось в том, чтобы он обнародовал обращение к пастве с призывом поддерживать Советское правительство. 29 июля митрополит Сергей вместе с Синодом издали знаменитую «Декларацию», три недели спустя опубликованную в «Известиях».

Необходимость издания этого или подобного ему документа была вызвана прежде всего тем, что без него гражданские власти не признавали законность существования ни Высшего церковного управления, ни епархиальных органов церковной власти, а Русской Православной Церковью официально считали обновленческую схизму. Но издание «Декларации» вызвало в церковном народе и духовенстве замешательство. В некоторых приходах священники отказывались возглашать «Декларацию» с амвона, как им было предписано, и отсылали ее обратно в Москву, в Патриархию.

Одним из камней преткновения в «Декларации» служила фраза «мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Эту фразу переиначили в саморазоблачительное выражение: «ваши радости – наши радости», утверждая, что авторы «Декларации» приветствуют успехи советского правительства, в том числе связанные и с распространением неверия в народе. Но в этом месте «Декларации» митрополит Сергей и члены Синода говорят отнюдь не о правительстве, которое гонит Церковь, а о Родине, и заявляют не более чем о лояльности государству. В «Деянии Заместителя патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода» от 29 марта 1928 г. митрополит Сергей разъяснял, что под успехами, упомянутыми в «Декларации», подразумевалось внешнее благополучие, например хороший урожай, а под неудачами – народные бедствия.

Через месяц после издания «Декларации» высшее церковное управление, состоявшее из Заместителя Местоблюстителя и Патриаршего Синода, было зарегистрировано НКВД. Юридически Патриаршему Синоду был дан тот же статус, что и обновленческому синоду, хотя обновленцы продолжали пользоваться покровительством со стороны властей, в то время как Патриаршая Церковь оставалась гонимой. Только после легализации митрополита Сергия и Синода Восточные Патриархи, вначале Иерусалимский Дамиан, потом Антиохийский Григорий прислали благословение митрополиту Сергию и его Синоду и признание его временным главой Патриаршей Церкви. В декабре к митрополиту Сергию обратился с посланием Вселенский Патриарх Василий III, призвав его к примирению с обновленцами.

7 октября 1927 г. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей подал в ОГПУ заявление с просьбой об амнистии и облегчении участи репрессированных священнослужителей. Нельзя сказать, что это заявление осталось совершенно без ответа, но милости, явленные властью православному духовенству, не обнаружили ее особой щедрости. Несколько священнослужителей смогли вернуться из мест заключения и ссылок в конце 1927 – начале 1928 г. Среди них были архиепископы Захарий (Лобов) и Ювеналий (Масловский), епископы Аркадий (Ершов) и Мануил (Лемешевский), но другие архипастыри и пастыри были арестованы и сосланы.

В целях укрепления пошатнувшейся церковной дисциплины Синод издает распоряжение о возношении во всех храмах, подведомственных Московской Патриархии, имени митрополита Сергия вслед за именем Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра.

Но начинают исполняться и условия легализации, поставленные Тучковым и принятые Заместителем Местоблюстителя: Синод издает указы о поминовении за богослужением властей, об увольнении сосланных и заключенных епископов на покой и назначении вернувшихся на волю архиереев в дальние епархии, потому что тем архиереям, которых выпускали из лагерей и ссылок, не разрешался въезд в свои епархии. Прежде архиереи, томившиеся в тюрьмах, лагерях и ссылках, оставались на своих кафедрах. Теперь этот своеобразный протест против произвола и беззакония властей уже не могло терпеть правительство. Всем становилось ясно, что «Декларация» повлекла за собой не только легализацию Церкви, но и реальные изменения в церковной политике.

На имя митрополита Сергия стали приходиться письма с выражением протеста против новой линии Патриархии и призывами отказаться от нее. По стране стали распространяться обличительные послания, обращения, воззвания с критикой «Декларации», с осуждением церковной политики Заместителя Местоблюстителя. С серьезными замечаниями на текст «Декларации» выступил особенно близкий митрополиту Сергию в первые дни его заместительства епископ Прилукский Василий (Зеленцов), арестованный и сосланный на Соловки. По почину епископа Василия часть архиереев, сосланных на Соловки, составляет отзыв на «Декларацию», в котором делаются возражения против отдельных ее положений.

Некоторые из архипастырей, недовольные новым курсом церковной политики Заместителя Местоблюстителя и его Синода, отказывались принимать назначения и по собственной воле уходили на покой. Так поступили епископы Арсений (Жадановский) и Серафим (Звездинский). Не был согласен с митрополитом Сергием и передавший ему полномочия Заместителя Местоблюстителя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Осуждал «Декларацию» и церковную политику Патриархии архиепископ Феодор (Поздеевский), впрочем не одобрявший уже и линии, выбранной Патриархом Тихоном после освобождения из тюрьмы. Он пользовался большим влиянием на епископат, и близкие ему по духу архиереи: епископы Гавриил (Абалышев), Григорий (Козырев), которых называли «даниловцами» по монастырю, где пребывал архиепископ Феодор, разделяли его отношение к «Декларации». Самым непримиримым в этой группе архиереев был епископ Дамаскин (Цедрик). Временно управлявший Вятской епархией епископ Виктор (Островидов), получив «Декларацию», отослал ее обратно в Патриархию, а вслед затем и письмо с весьма мрачной оценкой документа и его автора. Особенно болезненный, затяжной и опасный для единства Церкви характер приобретали протесты архиереев, связанные не столько с принципиальными вопросами церковной политики, сколько с административными перемещениями и увольнениями. Эти действия расценивались как согласие Патриархии на откровенное вмешательство гражданских властей во внутрицерковные дела, к тому же они затрагивали человеческое самолюбие и амбиции архиереев, а также отношение паствы к своим архипастырям.

Эпицентром разделений стала тогда Ленинградская епархия. В течение года она управлялась митрополитом, который не имел возможности выехать в свой кафедральный город и оставался в Ростове. Положение было неестественным и вызывало разного рода затруднения. Правительство же видело в этом протест церковной власти против своих распоряжений. 13 сентября Синод принимает постановление о переводе митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Еще до того, как митрополит Иосиф официально получил распоряжение Синода, слухи о предстоящем перемещении распространились по питерским приходам, дошли они и до самого архипастыря, и, чтобы предотвратить перевод, он обращается к митрополиту Сергию с пространнным посланием, в котором писал о недопустимости подобного перевода.

Прямой критики «Декларации» в этом послании нет, а содержащаяся в послании ссылка на «царско-распутинские» безобразия должна подчеркнуть, что митрополит Иосиф далек от желаний вернуть старое. Но отказаться от перемещения архиереев означало бы отказаться от уже выбранного митрополитом Сергием и Временным Синодом курса на компромисс с советской властью. Несколько высокомерный тон послания и требование митрополита Иосифа созвать Собор епископов для решения его дела о переводе в другую епархию, вероятно, происходят оттого, что он придавал весьма большой вес тому обстоятельству, что по распоряжению первосвященителя Петра был третьим после митрополитов Сергия и Михаила кандидатом в Заместители Местоблюстителя и некоторое время после ареста митрополита Сергия действительно исполнял эту должность.

Тем временем в Ростов направлен был Синодом епископ Иннокентий (Летяев). Он настаивал на незамедлительном отъезде митрополита Иосифа в Одессу, дабы не усугублять смуту в Ленинграде и не волновать ростовскую паству. Но митрополит Иосиф оставался непреклонен. 12 октября Синод снова рассматривал дело о замещении Ленинградской и Одесской кафедр и принял постановление, подтверждающее правомерность совершенного ранее перемещения. Узнав о перемещении своего митрополита, ленинградское духовенство, уже ранее смущенное «Декларацией», теперь особенно встревожилось. В Петрограде был очаг обновленчества, поэтому питерские священнослужители подозрительно относились ко всякого рода компромиссам и уступкам властям, опасаясь, что за уступками последует предательство. Но большинство пастырей проявили достаточно послушания и против митрополита Сергия и Синода не пошли. Однако недовольных оказалось тут больше, чем где бы то ни было. Осуждали «Декларацию» настоятель кафедрального собора Воскресения на Крови протоиерей Василий Верюжский, профессор протоиерей Феодор Андреев, протоиереи Викторин Добронравов, Сергей Тихомиров, Александр Тихомиров, священники Николай Прозоров, Никифор Стрельников, викарные епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Другие викарные питерские архиереи, и особенно Петергофский епископ Николай (Ярушевич), были решительно на стороне митрополита Сергия и Синода. К верности Патриархии призывал паству в своих проповедях протоиерей Николай Чуков, настоятель Сергиевского собора отец Иоанн Морев, священник Василий Запольский. Противники «Декларации» готовы были и на крайние шаги, после того как устранение владыки из епархии стало делом решенным. В соборе Воскресения на Крови, в храмах святого Владимира и Никольском за богослужением перестали возносить имя митрополита Сергия, не поминали его и епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Неисполнение указа Синода о возношении имени Заместителя Местоблюстителя вслед за именем самого Местоблюстителя и послужило основанием для наименования оппозиционеров «непоминающими».

Для переговоров с митрополитом Сергием в Москву направилась депутация из четырех представителей группы «непоминающих» – епископа Гдовского Димитрия (Любимова), профессора протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина

Добронравова и мирянина С.А. Алексеева. Встреча состоялась 12 декабря. Делегаты подошли под благословение к митрополиту Сергию и вручили составленные ранее документы. Разговор продолжался около двух часов, и порой митрополит не мог сдержать гнева и раздражения.

– Вот вы протестуете, а многие другие группы меня признают и выражают свое одобрение, – проговорил митрополит Сергей, – не могу же я считаться со всеми и угодить всем, каждой группе. Вы каждый со своей колокольни судите, а я действую для блага всей Русской Церкви.

– Мы, владыко, – возразил ему профессор протоиерей Василий Верюжский, – тоже для блага всей Церкви хотим потрудиться, мы не одна из многочисленных маленьких групп, а являемся выразителями церковно-общественного мнения Ленинградской епархии из восьми епископов, лучшей части духовенства. Особенно характерным моментом в состоявшейся беседе было связано с замечанием митрополита Сергия: «Ну а чего же тут особенного, что мы поминаем власть? Раз мы ее признали, мы за нее и молимся. Молились же за Нерона?».

– А за антихриста можно молиться? – спросил профессор протоиерей Василий Верюжский.

– Нет, нельзя!

– А вы ручаетесь, что это не антихристова власть?

– Ручаюсь. Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло.

Через день митрополит Сергей принял у себя профессора протоиерея Василия Верюжского и настойчиво пытался убедить его, что было бы не только безрассудно, но и преступно отказаться от избранного им курса в отношениях с государственной властью.

Вернувшись после неудачных переговоров с митрополитом Сергием, непримиримые противники его церковной политики созвали в Ленинграде совещание своих единомышленников из духовенства и мирян и объявили митрополита Сергия отпавшим от Церкви и потерявшим благодать священства. Епископ Николай (Ярушевич) переслал акт об отделении митрополиту Сергию и Временному Патриаршему Синоду. И тогда Заместитель Местоблюстителя и Временный Синод вынесли постановление о запрещении в священнослужении епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина). В тот же день, получив сообщение о постановлении Синода, епископ Николай, как временно управляющий Ленинградской епархией, запретил в священнослужении протоиереев Василия Верюжского, Феодора Андреева и других священников, пошедших на разрыв с Заместителем первоиерарха.

Поначалу епископ Сергей (Дружинин) заявил владыке Николаю о разрыве с отделившимися и повинении митрополиту Сергию, но через несколько дней, узнав, что митрополит Иосиф одобряет действия епископа Димитрия, он изменил свое решение. Пренебрегая запрещением, епископы Димитрий и Сергей продолжали служить в ленинградских церквях, а епископы Колпинский Серафим (Протопопов) и Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), не порывая с Синодом, отказывались возносить за богослужением имя Заместителя Местоблюстителя. Из числа ленинградских викариальных архиереев верными митрополиту Сергию оставались епископы Николай (Ярушевич) и Николай (Климентьев).

Отвечая на критику «Декларации» и пытаясь остановить раскол, в который втягивалось все больше духовенства, митрополит Сергей вместе с членами Временного Синода обратился 31 декабря 1927 г. с новым посланием к пастве, в котором призывал несогласных не разрывать канонических отношений с Патриархией.

Встревоженный печальным развитием событий в Ленинграде, митрополит Сергей принимает решение назначить, наконец, в этот город правящего архиерея. Но выбрать подходящего для этого высокого служения архипастыря было нелегко. Нужен был такой

владыка, который был бы известен своей непоколебимой преданностью Церкви, твердостью в вере и неучастием в обновленческом бунте, потому что верующие опасались, как бы церковная политика Заместителя Местоблюстителя ни обернулась новым обновленчеством. Но с другой стороны, печальный опыт с назначением на эту кафедру митрополита Иосифа (Петровых), которому власти не разрешили поселиться в городе, принуждал Патриархию к выбору такого кандидата, который мог бы получить санкцию Тучкова на въезд в Питер.

Выбор пал на митрополита Серафима (Чичагова), иерарха, известного прежде своей крайне правой ориентацией. Патриарх Тихон назначал его на Варшавскую кафедру, но польское правительство не впустило его в Варшаву, поскольку владыка Серафим имел репутацию ревностного борца за единство Русской Церкви и Российской империи. Митрополит Серафим был близок к митрополиту Кириллу (Смирнову) и архиепископу Феодору (Поздеевскому) и был одним из самых бескомпромиссных противников каких бы то ни было уступок обновленцам. Его арестовывали, держали в заточении в Бутырской тюрьме. Выйдя на свободу, он оставался на покое, но поддержал Заместителя Местоблюстителя после опубликования «Декларации». Власти не воспрепятствовали въезду митрополита Серафима в Ленинград.

8 марта 1928 г. митрополит Серафим (Чичагов) прибыл в свой кафедральный город. Первое богослужение он совершил в Преображенском соборе на Литейном, где в прежнее время был старостой. Он сразу пожелал встретиться с влиятельными оппозиционерами и направил пригласительное письмо епископу Димитрию (Любимову). Но тот ответил отказом, заявив, что знает только одного митрополита Ленинградского – Иосифа, с митрополитом Серафимом он готов побеседовать приватно, без посторонних.

С иосифлянским расколом связано и выступление группы епископов Ярославской епархии во главе с митрополитом Агафангелом (Преображенским), заместителем Патриарха во время ареста святителя Тихона в 1922 г., одним из трех кандидатов в Местоблюстители Патриаршего престола, поименованных в завещании Патриарха Тихона. Высокий авторитет митрополита Агафангела был, правда, несколько подорван его притязаниями на местоблюстительство после ареста митрополита Петра.

6 февраля 1928 г. в адрес митрополита Сергия было направлено послание, под которым стояли подписи митрополита Агафангела и викарных архиереев Ярославской епархии. Архиереи сообщали, что за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения отныне они отделяются и отказываются признавать за митрополитом Сергием и его Синодом право на высшее управление Церковью. Отказываясь от административного подчинения тому, кого они именуют Заместителем патриаршего Местоблюстителя, ярославские архиереи в то же время не объявляют о разрыве молитвенно-канонического общения с ним.

Получив обращение ярославских епископов, Заместитель Местоблюстителя немедленно созвал внеочередную сессию Синода, а в Ярославль был направлен член Синода митрополит Тверской Серафим (Александров) с письмом, в котором митрополит Сергий пытался убедить владыку Агафангела в правоте своих действий. После отъезда митрополита Тверского Серафима резко пошатнулось здоровье митрополита Агафангела. Заместитель Местоблюстителя и Синод должны были действовать без промедления. Для переговоров с митрополитом Агафангелом Синод направил архиепископа Вятского Павла (Борисовского) с посланием от митрополита Сергия, в котором тот писал, что действия ярославских епископов имеют все признаки раскола, и просил его пересмотреть свою позицию. В беседе с архиепископом Павлом владыка Агафангел отрицал обвинения в раскольнических действиях и уточнил, что отделился со своими викариями не по разномыслию в вере, тайнодействии и молитве, а только в порядке административного

управления. 7 апреля в ответном письме митрополиту Сергию он повторил сказанное в беседе с владыкой Павлом, но упомянул также о готовности к частичному пересмотру своей позиции. Получив это письмо, митрополит Сергей пишет Ярославскому митрополиту еще одно послание, в котором приветствовал готовность владыки Агафангела пересмотреть сделанное ранее заявление. Митрополит Агафангел и его викарии, архиепископ Варлаам (Ряшенцев) и епископ Евгений (Кобранов), не замедлили с ответом Заместителю Местоблюстителю, в котором, в частности, говорилось: «Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с Заместителем патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием. Принципиально власть Вашу, как Заместителя, не отрицаем. Распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие церковные каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте исполнять не могли и не можем».

Согласие было почти достигнуто, оставалась, однако, одна существенно важная оговорка в этом документе в пункте 5-м, чтобы устранить и ее, митрополит Сергей направил архиепископа Рязанского Ювеналия (Масловского) и настоятеля московского храма Николая на Арбате протоиерея Владимира Воробьева. Беседа, состоявшаяся 16 мая в Ярославле, с уже тяжело больным митрополитом Агафангелом привела к полному примирению его с митрополитом Сергием. Вслед за ним молитвенно-каноническое общение с Заместителем Местоблюстителя возобновили и архиепископы Серафим и Варлаам и епископ Евгений. Так улажено было разногласие, возникшее у ярославских епископов с Патриархией. 16 октября 1928 г. в возрасте 74 лет святитель Агафангел почил в мире с Церковью и Богом.

От поминовения имени митрополита Сергия воздерживался один из самых авторитетных архипастырей Русской Церкви – митрополит Кирилл (Смирнов), в конце 20-х годов сосланный в Енисейск. Ревностный сторонник патриаршей власти, он в учреждении Временного Синода при Заместителе Местоблюстителя увидел угрозу самому принципу единоличного возглавления Церкви первым епископом. Свою позицию митрополит Кирилл изложил в письме викарному епископу Казанской епархии Афанасию (Малинину), выразив в нем пожелание, чтобы с содержанием письма был ознакомлен и Заместитель Местоблюстителя. Митрополит Кирилл писал, что «никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает... Заместитель назначается для управления текущими делами... Коренное же изменение самой системы церковного управления... превышает компетенцию и самого Местоблюстителя патриаршего престола». Коренной реформой митрополит Кирилл называет учреждение коллегиального церковного управления в виде Временного Патриаршего Синода. «До тех пор, – продолжал он, – пока митрополит Сергей не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого патриаршего Синода, я не могу признать для себя обязательным к исполнению... Литургисать с митрополитом Сергием и единомысленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника Сергиева поставления».

18 сентября 1929 г. митрополит Сергей обратился с первым письмом к митрополиту Кириллу, в котором настаивал на том, что в отсутствие патриаршего Местоблюстителя Заместитель вынужден брать на себя полноту ответственности, а значит и пользоваться теми же правами, что и Местоблюститель. Отстаивая законность учреждения Временного Патриаршего Синода, который митрополит Кирилл сравнивал с самочинным григорианским ВВЦС, митрополит Сергей разъяснял, что ВВЦС был образован взамен единоличного замещения, а Синод утвержден при первоиерархе. По поводу слов митрополита Кирилла о его отказе литургисать с епископами, единомысленными с митрополитом Сергием, которых он, однако, не признает лишенными благодати священства, митрополит

Сергий писал: «Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившим раскол, ни нас стоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема – это попытка сохранить лед на горячей плите. Из всех видимых связей церковного тела евхаристическое общение есть самое существенное, настолько, что при ее отсутствии остальные связи единства не удержат».

В своем ответе митрополит Казанский Кирилл продолжал настаивать на различии прав Местоблюстителя и его заместителя. «Ваши права, – писал он, – только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют». Митрополит Кирилл осуждает отделившихся от Заместителя Местоблюстителя священнослужителей, которые хулили таинства, совершаемые «сергианами», как безблагодатные. В то же время он упрекает и своего адресата за то, что тот «не осмеливается найти более любовный способ воздействовать на них, чем воспрещать, несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от вашего церковного управления».

Митрополит Сергей отвечал на это письмо 2 января 1930 г.: «Главным мотивом отделения служит наша Декларация. В ней наши противники, сами не отрицающие обязательности для каждого христианина гражданской верности... не совсем последовательно увидели заявление не таких же, как и они, земных людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви как благодатного учреждения. Отсюда крики о подчинении Церкви государству, Царства Божия – царству мира и даже Самого Христа – Велиару. Упразднением Синода таких фанатиков не примирить». Вновь указывая митрополиту Казанскому на двусмысленность его позиции в вопросе о церковном общении, митрополит Сергей писал: «Вы хотите считать наши отношения как бы частным делом, которое других не касается... Но не может быть частным делом евхаристический разрыв старейшего митрополита и первого кандидата в Местоблюстители с правящим Заместителем. Вы можете сколько угодно писать о необязательности для мирян разрывать общение с нами, но если вы порываете, то каждый мирянин может задаться вопросом, не должен ли и он порвать. В результате – великий церковный соблазн и разделение, а достаточных оснований для него по канонам не имеется».

До Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра, сосланного в Обдорский край, доходили печальные вести о терзающих Церковь разделениях. Он реагировал на происходящее в двух письмах, адресованных митрополиту Сергию. 26 февраля 1930 г. он писал из зимовья Хэ своему Заместителю: «Ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство.... Я, конечно, далек от мысли, что вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви... Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства...»

Из сказанного видно, что в действиях «правых» оппозиционеров, обыкновенно называемых «непоминающими», в отличие от обновленцев или самосвяттов, нельзя обнаружить злонамеренных, исключительно личных, предательских мотивов. Как правило, их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви. «Правые» группировки состояли из тех епископов и их приверженцев среди священнослужителей и мирян, кто, не соглашаясь с церковно-политической линией назначенного митрополитом Петром Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита (потом Патриарха) Сергия, прекращал возношение имени Заместителя за богослужением и таким образом порывал каноническое общение с ним. После кончины митрополита Петра «непоминающие» не признали главой Церкви, Местоблюстителем Патриаршего Престола, митрополита Сергия, выжившие после террора конца 1930-х гг. не признали законности избрания его Патриархом.

Но когда Святейшим Патриархом избран был Алексей I, большинство из оставшихся в живых правых оппозиционеров воссоединились со Священноначалием Русской Церкви. В этом отношении особенно характерен случай священноисповедника епископа Афанасия (Сахарова).

С учетом этих соображений сделан был вывод о возможности канонизации тех архиереев и клириков, кто пал жертвой репрессий, находясь в отделении от Заместителя Местоблюстителя, но не переставая признавать главой Церкви заточенного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и не пытаясь образовать иной, параллельный церковный центр.